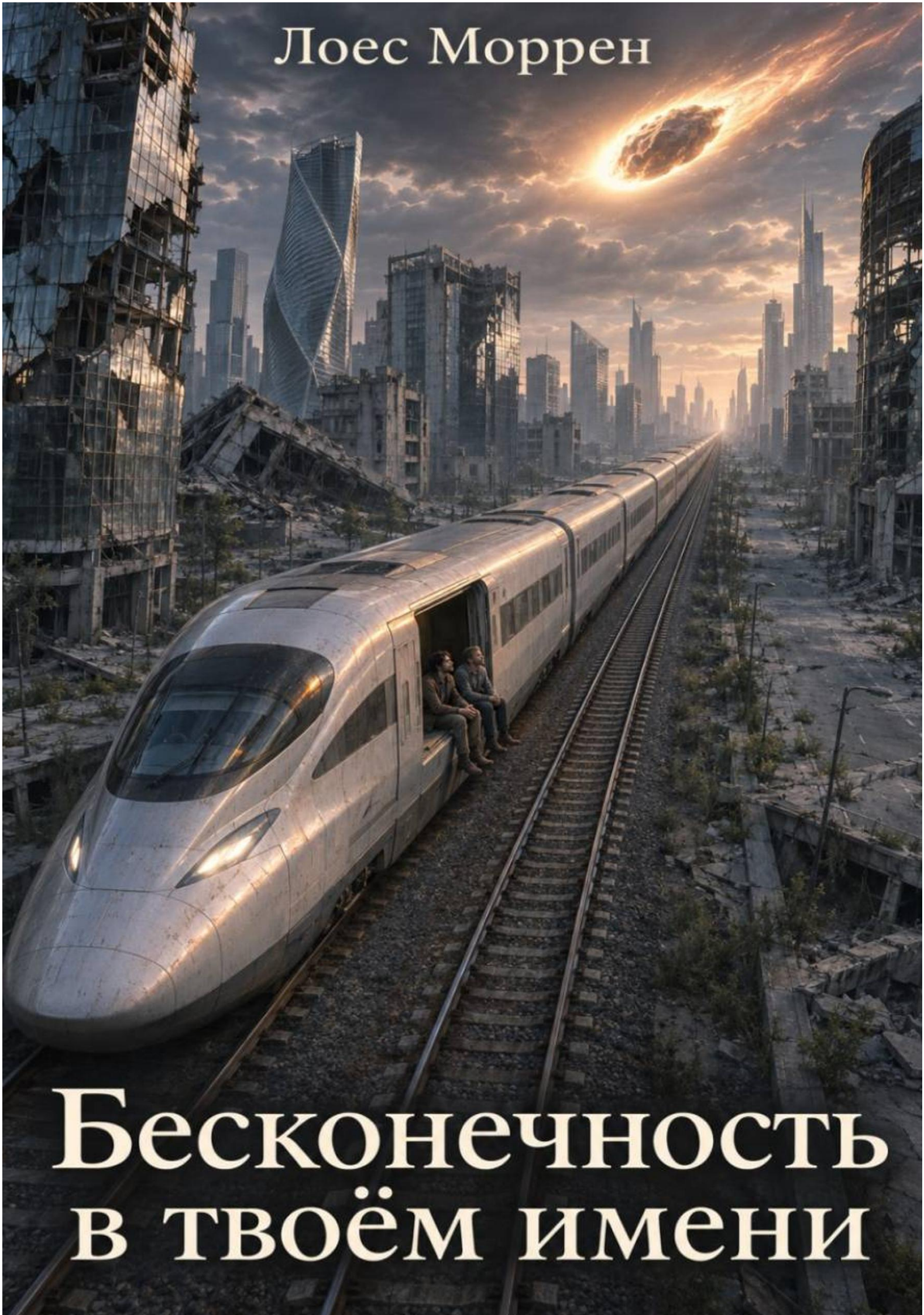
Лоес Моррен
Бесконечность в твоём имени

Лоес Моррен

Бесконечность в твоём имени

«Автор»
2026

Моррен Л.

Бесконечность в твоём имени / Л. Моррен — «Автор», 2026

"Если пропадёт связь, встречаемся на конечной".Лия записала место встречи на обороте фотографии. Тогда Марку казалось, что этого достаточно. Прошло несколько лет, после падения первых метеоритов. Теперь Нортбридж, где она жила, молчит, мост закрыт, а поезд без машиниста всё ещё идёт по расписанию. На каждой пустой платформе голос из динамика желает пассажирам приятной поездки.Марк едет к Лии. Его друг Джейк ищет место, где они смогут укрыться. Пока над путями становится всё светлее от приближающегося метеорита, Марк снова и снова перебирает их последний разговор. Он помнит, какой автобус ей посоветовал. Помнит, как за ней закрылась дверь. И только теперь вспоминает вопрос, на который так и не ответил.На обороте фотографии её рукой записано, где ждать. О том, сколько ждать, они так и не договорились.

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Лоес Моррен
Бесконечность в твоём имени

Глава 1

Под навесом сохранилась одна скамейка. Джейк смахнул с неё пепел рукавом и сел на край, оставив Марку чистое место, но Марк остался стоять. Сидя, он видел бы только платформу и заколоченное окно кассы, а отсюда просматривались пути до самого поворота. За поворотом начинались склады, из-за которых, по словам Джейка, и должен был выйти поезд.

Над складами висело светлое пятно, которое Марк заметил ещё по дороге к станции. Когда они шли вдоль забора, оно несколько раз пропадало в пыли, и тогда можно было подумать, что небо просто прояснилось. Здесь оно проступало даже сквозь край облака. Марк поднял голову в третий раз, подыскивая на крыше трубу, по которой можно было бы судить, сдвинулось ли пятно с места.

— Метеорит никуда не денется, сколько ты на него ни смотри, — сказал Джейк. Он протёр стекло наручных часов кончиком пальца, размазал грязь и взялся за край футболки. — Если он заметно подвинется, пока мы тут сидим, я обещаю, ты узнаешь об этом даже с закрытыми глазами.

Марк улыбнулся и тут же почувствовал, как треснула губа. Он слизнул кровь и сел на оставленное Джейком место. Доска под ним подалась, и оба одновременно переставили ноги ближе к опоре. Когда-то они так же садились на продавленный диван у Джейка, потому что хозяин квартиры уверял, что поперечина выдержит ещё как минимум один год.

Вдоль края платформы лежала жёлтая полоса с отпечатками подошв. Следы шли от дверей станционного здания к путям, потом возвращались и сбивались у места, где кончался навес. В самом чётком отпечатке ещё можно было разглядеть размер подошвы, но и его уже затянуло тонкой коркой пепла. Марк сунул руки в карманы и отступил от полосы.

У дальней стойки кто-то вывел время отправления мелом прямо на асфальте. Под цифрами стояла стрелка в сторону города, наполовину стёртая следами. Марк подумал, что ещё вчера мог бы подойти к человеку, который это написал, и спросить, вернётся ли он завтра на ту же станцию.

— Ты сказал, он опаздывал и вчера, — проговорил Марк. Ему пришлось откашляться, и от этого собственный голос показался удивительно громким. — На сколько, помнишь?

Джейк наконец сумел разглядеть циферблат и повернул к нему запястье. Под царапиной у края стекла шевельнулась секундная стрелка, которую Марк сперва принял за волос. — Вчера я слышал его со двора, а во дворе я время не засекал. Если хочешь знать, врёт ли расписание, спроси у него сам, как приедет.

За дверью бывшего буфета что-то глухо хлопнуло. Марк дёрнулся, решил, что это дверь на сквозняке, и всё равно проследил взглядом за щелью у косяка. Там, на полу, лежал белый уголок меню, и время от времени его приподнимало воздухом. Рядом на стекле ещё висела наклейка с чашкой и обещанием бесплатной второй порции по утрам.

Джейк опустил руку на колено и отогнул край рукава, чтобы видеть часы. — Ждём, пока минутная дойдёт до шестёрки, и уходим под крышу. С задней стороны есть лестница в подвал, я видел её, когда мы обходили станцию. Если поезд подойдёт, из подвала гудок тоже услышим.

Марк посмотрел на дверь, за которой надо было пересечь весь зал, обойти рухнувшие турникеты и спуститься по той лестнице. Они уже прошли вдоль путей столько, что в носке одного ботинка он чувствовал стёртое место на коже. Когда он представлял себе, как придётся проделать последние сто метров обратно на бегу, перед глазами оказывалась белая табличка

на дальнем выходе конечной. Марк подвинул рюкзак к ноге, чтобы Джейк не решил, будто он собирается уйти раньше оговорённого.

— До шестёрки, — согласился он и нагнулся завязать шнурок, который заполз под пятку. На свободном конце распустилось плетение, и узел со второй попытки лёг ниже, чем надо. — Только дай мне встать первым. У меня правая нога теперь разбегается со второго раза.

Джейк переставил ноги, освобождая проход между скамейкой и обвалившейся стойкой навеса. Марк следил за циферблатом, пока стрелка не закрыла нижнюю риску. Джейк уже просунул руку под лямку рюкзака, когда за складами раздался длинный гудок. У Марка на миг заложило уши, и он услышал конец гудка уже стоя.

Первой из-за складов показалась передняя кабина с широким тёмным стеклом. Состав двигался медленно, и Марк успел рассмотреть на крыше плоские солнечные панели, припудренные пеплом почти до одинакового цвета с кузовом. На лобовом стекле дворник оставил чистую дугу, и в ней отразился уцелевший клочок навеса. Вагоны шли за кабиной один за другим, заслоняя склады, и Марк поднял руку, как поднимал её прежде, когда через станцию проходил товарняк и машинист мог отозваться коротким гудком.

Джейк подбежал к кабине и стукнул костяшками в боковое окно. Марк встал на край платформы и увидел через стекло два кресла, на одном из которых от вибрации подрагивал откинутый ремень. Перед креслами горели панели, а между ними стояла прозрачная кружка с полоской засохшего чая на дне. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы перестать ждать, что из прохода выйдет человек и уберёт кружку.

— Нам до конечной! — крикнул Джейк в окно, прикрывая ладонью глаза от света. Поезд остановился, и голос Джейка вернулся к ним от стенки кабины. — Если вы сейчас собираетесь открыть дверь, откройте, пожалуйста, нашу сторону.

Над платформой щёлкнул динамик. Записанный женский голос назвал станцию, предложила приготовить багаж и пожелала приятной поездки. Последние слова прозвучали отчётливее первых, и Марк услышал знакомую улыбку на слове «приятной». В прежние времена он ругался на это объявление с набитым ртом, когда опаздывал и покупал завтрак у турникета.

Рядом с кабиной загорелось длинное табло с названием конечной. Марк прочитал его дважды, хотя буквы были простые и с первого раза всё было ясно. Ниже мелкой строкой шли слова «Локальный режим», время последней связи с диспетчером и дата, от которой их отделяло уже несколько дней. В углу экрана спокойно горел значок батареи, а белая полоска остановки с каждым мгновением становилась короче.

Джейк проследил за взглядом Марка и отступил от стекла. — Он всё это время сам по себе ездит? Подожди, это у нас осталось столько или мы столько уже здесь стоим?

Пока он говорил, от полоски отвалился ещё один белый прямоугольник. Марк показал на него пальцем и дёрнул ближайшую ручку, но та даже не подалась. В сером стекле двери виднелась ручка с внутренней стороны, в том самом месте, куда он положил ладонь. Он постучал сильнее, чем Джейк по кабине, хотя теперь сам мог видеть, что внутри стояли только ряды пустых сидений.

На ближайшем сиденье лежал свёрнутый пополам пляжный зонт с полосатым чехлом. Прежде Марк подержал бы дверь для человека, который протискивался бы с таким зонтом, и помог бы убрать его с прохода. Сейчас он прижимал лицо к стеклу, высматривая хотя бы тень, от которой дёрнулся бы первым.

— Дальше, — сказал Джейк и потянул Марка за ремень рюкзака. Марк на ходу нажал кнопку ещё раз, но даже лампочка возле неё не отозвалась. — У грузовых должен быть рычаг снаружи. Давай попробуем, пока он нас здесь не бросил.

Они обогнули стойку навеса, и Марк почувствовал, как свободный конец шнурка снова хлестнул по ботинку. Здесь платформа пошла ниже и стали видны подножки и чёрные потёки над колёсами. Под одним вагоном валялся кусок паковочной ленты, который порывом ветра

подняло и шлёпнуло о колесо. Марк зацепил его носком и отбросил в сторону, потому что на следующем шаге лента попала бы ему под ногу.

Рычаг Джейк нашёл у крытого вагона с выцветшей цифрой на боку. К нижней его части прикипела грязь, и, когда Джейк ухватился за металл, рычаг только скрипнул. Марк просунул пальцы в углубление за ручкой и потянул в ту же сторону. Внутри что-то наконец сдвинулось, между дверью и стенкой проступила чёрная щель, и из неё повеяло сухой гарью.

Предупреждение об отправлении застало их с руками на двери. Джейк выдернул лямку рюкзака, успевшую зацепиться за рычаг, и отодвинул створку ровно настолько, чтобы в проём прошёл человек боком. Марк поставил ногу на подножку и сперва почувствовал под ладонью только гладкую стену. Джейк нащупал над его плечом поручень, подтянулся и, уже стоя внутри, протянул ему руку.

Марк ввалился в вагон и ударился коленом о мешок, который в темноте принял за ступеньку. Под ладонью захрустели мелкие куски угля, а чуть дальше пальцы нащупали жёсткий край разошедшегося шва. Джейк откатил дверь обратно и поймал её на первом фиксаторе, оставив узкую щель. Через неё Марк ещё видел белую колонну навеса и свою пустую половину скамейки.

Он стянул рюкзак и поставил его возле двери, чтобы можно было присесть рядом. Состав пошёл с места мягко, и Марк успел подумать, что весь бег вдоль платформы оказался напрасной спешкой. Потом вагон качнуло на стыке, рюкзак опрокинулся, и его понесло по гладкому полу к чёрной насыпи у противоположной стены. Из бокового кармана торчало горло последней полной бутылки.

Джейк поймал рюкзак за верхнюю петлю и сам сел прямо на пол. Он выставил перед собой ладонь, на которую опёрся, и выковырнул из неё кусочек угля. — Здорово придумано, — сказал он, переводя дыхание. — Ещё два таких поворота, и нам вообще ничего не придётся нести.

Марк подполз к нему, держась одной рукой за край мешка. Тот был легче, чем он ожидал, и проехал вместе с ним, оставляя за собой скудную чёрную дорожку. Марк поставил рюкзак стоймя и завинтил бутылку, хотя крышка и так была затянута до упора. Джейк молча ткнул носком ботинка в приваренное к полу кольцо.

— Здесь закрепи, пока опять не тряхнуло, — сказал он. Марк потянулся к кольцу, но от двери послышался скрежет, и он обернулся на свет. — Марк, потом посмотришь. Если рюкзак полетит ещё раз, я его ловить не буду, даже если ты там носишь всё наше семейное серебро.

Металл оказался шершавым, и пластиковая пряжка лямки застряла в кольце. Марк протолкнул её ребром, обмотал лямку вокруг железа и затянул так, как когда-то затягивал ремни на багажнике велосипеда. Джейк дёрнул петлю для проверки. Рюкзак повалился набок и остался на месте.

Марк вынул бутылку и протянул Джейку, раз уж заставил его ползать за ней по вагону. Джейк отпил, придерживая горло большим пальцем, чтобы вода не плеснула при следующем толчке. Марк хотел спросить, сколько осталось, поднял бутылку к свету и вдруг вспомнил, как раньше они выливали на костёр остатки воды, чтобы домой идти налегке.

По другую сторону вагона за неподвижными кольцами тянулись пустые места от груза. Там, где мешки вытащили, под слоем угольной крошки проступали прямоугольники сухого пола. Марк различил возле дальней стенки два целых мешка и один лопнувший, из которого уголь высыпался под колёса брошенной погрузочной тележки. Рядом валялась рабочая перчатка с загнутыми пальцами, и Джейк подтолкнул её к стене носком, чтобы она больше никому не мерещилась рукой.

Когда Марк вернулся к щели, станция осталась за изгибом путей. Теперь вдоль вагона тянулась насыпь с редкими соснами, у которых с одной стороны сохранились зелёные иголки. Каждые несколько секунд свет высвечивал пыль на полу, и было видно, как она поднималась

от их ботинок и снова садилась. Марк прикрыл нос сгибом локтя и дождался, пока перестанет першить в горле.

Джейк нашёл у стены деревянную распорку, обтёр её и подвинул под дверь, чтобы створка не билась в фиксаторе. Затем он достал из кармана сложенный платок и сунул его Марку. — Приложи ко рту, пока всё это не осядет. Только сначала посмотри, какой стороной, я им утром очки вытер.

Марк взял платок, сложил чистым краем наружу и, морщась, провёл тканью по разбитой губе. Вагон вышел на ровный участок, и колёса зазвучали тише. Джейк сидел возле двери, прислонившись к стене, и за платком пока не тянулся. Марк расстегнул куртку и нащупал у внутреннего кармана маленькую выпуклость, которую проверял ладонью и на станции, и всё то время, пока они бежали.

У фотографии загнулся один уголок, хотя Марк носил её в том кармане, куда не клал ключей. Он вынул снимок за белую кромку и подождал, пока глаза привыкнут к полутьме. Сначала различил воротник Лии, потом её руку, прижатую к боку, и только затем лицо. У воротника она пришила оторвавшуюся пуговицу светлой ниткой, и на снимке до сих пор было видно, что цвет отличался.

— Это она у тебя на выпуске? — спросил Джейк, наклонив голову к свету. Марк повернул снимок к нему и увидел, что Джейк смотрит на воротник, как и он сам минуту назад. — Я её в такой рубашке помню, но, может, она просто любила эту рубашку.

Снимок сделали у Лии на кухне, в тот год, когда она решила сама постричь себе чёлку и потом неделю закалывала её сбоку. Марк хотел сказать про чёлку, но Джейк ждал ответа, и он сказал, что фотография домашняя. Дома она терпеть не могла, когда её снимали врасплох. Перед этим кадром сама попросила подождать, пока она закончит застёгивать рубашку, а он всё равно нажал чуть раньше.

Марк перевернул снимок. На обороте синим было выведено «Дальний выход. Остановка служебного автобуса», а у края стояло время — 16:40, конец её смены. Возле цифр белая бумага слегка посерела от нажима, и Марк провёл по вмятине подушечкой пальца.

Они записали это на кухне после первого предупреждения, когда телефон ещё показывал прогноз погоды на неделю. Лия стояла боком к столу, доставала из сушилки тарелки и ставила их туда, где Марк только что разложил схему путей. Их разговор прерывался всякий раз, когда на лестнице кто-нибудь начинал спускаться бегом. Оба прислушивались к шагам, а потом возвращались к тому месту, на котором замолчали.

— Если связь отвалится, просто приезжай ко мне, — сказал тогда Марк. Он повторил это уже второй раз, потому что первый раз она была у раковины и могла плохо его расслышать. — У вокзала ты садишься на обычный автобус, а от кольца до меня пешком десять минут. Я тебя встречу, если буду знать, на каком ты едешь.

Лия сдвинула тарелку, чтобы вытащить из-под неё угол схемы. — Если связь отвалится, ты как раз не будешь знать, на каком я еду. И если автобусы снимут с твоего кольца, я могу провести там полдня, пока ты будешь стоять возле своего подъезда и ждать меня. Давай выберем место, куда каждый из нас сумеет добраться сам.

Она нашла нужное место сама, у дальнего выхода конечной. После смены она собиралась доехать до автовокзала и сесть на автобус, который шёл через мост и останавливался у железной дороги. Марк мог добраться туда поездом со своей стороны. Лия взяла ручку из-под магнита на холодильнике, а Марк протянул ту единственную вещь, которую заведомо собирался носить с собой, — снимок, который Лия когда-то сунула ему в обложку проездного.

— Дальний выход, служебная остановка, — повторил Марк уже в вагоне и показал Джейку надпись. Джейк приблизил снимок к щели, возле которой наконец хватало света, чтобы читать мелкое. — Мы договорились ещё до того, как телефоны замолчали. Она сама выбрала место, у неё с той стороны был автобус.

— Я и не думал, что ты наугад едешь, — ответил Джейк. Он подержал фотографию ещё секунду и вернул её надписью кверху. — Я думал, вы утром успели поговорить и она уже была в дороге. Ты тогда сказал, что она могла быть на конечной к вечеру, и я понял это как «она уже выехала».

Марк машинально полез за телефоном и остановил руку на самом краю кармана. В последний раз, когда он нажал кнопку, на экране успела загореться ладонь Лии на фоне стены, а потом телефон погас. Он помнил и последнюю строчку переписки, отправленную им самим: «Напиши, когда выйдешь». У сообщения так и осталась одна серая отметка, которую он проверял даже после того, как экран начал мигать от низкого заряда.

— Могла, — сказал Марк и сунул фотографию обратно во внутренний карман, за сложенный билет. Джейк не перебил его, и в тишине Марк решил всё-таки договорить. — Иногда она успевала на автобус прямо после работы, если на складе закрывали смену вовремя. Я поэтому и сказал про вечер.

В памяти, у того же стола, Лия уже надевала куртку и поправляла лямку сумки, зажатую под воротником. На пороге она обернулась и сказала: «Ты хоть раз спроси, как я собираюсь туда попасть». Марк тогда смотрел на расписание и подыскивал рейс, который мог бы ей подсказать, если обычный отменят. Пока он прикидывал время, на лестничной клетке хлопнула дверь.

— Дай ладонь, только чистую, — сказал Джейк. Он вынул из-под ремня рюкзака сложенную карту и положил её Марку на колено, прижав большим пальцем угол. — Она у меня на колене сворачивается, так что держи вот тут. Я тебе покажу место, про которое говорил на подходе.

Марк вернул ему платок и придержал бумагу запястьем. На сгибах местами протёрлась печать, а на обороте, куда Джейк перевернул карту сначала, в узких клетках стояли часы и минуты. Он свёл ноготь с названием станции, где они сели, и медленно повёл им по столбцу вниз. Каждый раз, когда вагон качало, ноготь перескакивал через строку, и Джейк возвращался на одну выше.

Станцию, где они сели, от следующего большого города отделяли два коротких перегона, а за городом линия шла вдоль насыпи и делала петлю к северу. Джейк перевернул карту обратно и прижал ноготь к месту, где ветка почти касалась дороги. Марк поначалу увидел только крошечный квадрат, один из многих по обе стороны путей. Рядом карандашом было выведено слово «вход», а от слова к квадрату шла стрелка.

— Под насыпью старое убежище, — сказал Джейк. Он потёр стрелку ногтем, и графит размазался по бумаге. — Мне про него рассказал парень из путевой бригады, пока ждали воды у цистерны. Он сказал, что зимой там держали бочки и спускались за ними через нижний вход, так что хотя бы зимой лестница была проходима.

Марк приблизил к себе карту и нашёл путь от платформы до квадрата. По прямой получалось недалеко, однако между путями и дорогой стоял значок ограды, а проём в ней на карте выглядел величиной с прокол от иголки. Он перевернул лист ещё раз, посмотрел время прибытия и отправления и обнаружил между ними четыре минуты. На той станции, откуда они только что уехали, расписание обещало шесть.

— Мы можем выйти и посмотреть, — сказал Марк, держа палец на обеих строках сразу. Ему пришлось отодвинуть колено, чтобы Джейк тоже видел цифры. — Только давай сразу условимся, при первом предупреждении возвращаемся. Сегодня мы и в шесть минут едва уложились, хотя всё время были у путей.

Джейк подтянул к себе карту, и ноготь лёг поперёк названия конечной. — Хорошо, мы добегаем до входа, заглядываем, а там есть люди, свет и вода. Они говорят, что дверь можно закрыть изнутри, и зовут нас спускаться. Ты просишь их подождать четыре минуты или всё-таки идёшь со мной?

Марк попытался представить людей в дверях. У одного была кружка в руке, и Марк не мог отделаться от мысли, что уже видел эту кружку между креслами в кабине. Представить себя рядом с Джейком на ступеньках оказалось проще, чем то, как он потом будет объяснять Лии, почему до остановки не дошёл. Особенно трудно было решить, с чего начать, если первым делом она спросит, пробовал ли он вообще добраться.

— Смотря что они скажут про дорогу дальше, — ответил он. Джейк поднял глаза от карты, и Марк увидел на его щеке угольный след почти до самого уха. — Я согласен выйти и посмотреть, что там. До насыпи ещё ехать, дай мне хотя бы до неё доехать.

Джейк сложил лист по первому сгибу и остановился на втором. — Я и пытаюсь выяснить это сейчас, пока нам не надо кричать через пути. Когда зазвучит эта женщина с приятным голосом, мы с тобой опять услышим каждый своё. Я услышу, что надо принимать решение, а ты услышишь только «отправление».

Марк хотел возразить, но снаружи резко посвистел ветер, и створка сдвинулась до распорки. Щель на секунду потемнела, потом снова пропустила свет. Он убрал карту с колена и подвинулся к двери проверить, всё ли ещё держалось. Рюкзак лежал на боку, ремень в кольце не ослаб, и Джейк, когда Марк оглянулся, смотрел туда же.

— Сделаем вот что, — предложил Марк. Он наклонился, поднял с пола угол карты и расправил его на своём ботинке. — Перед остановкой ещё раз посмотрим, сколько времени у нас есть. Если я начну торопить тебя, когда мы ещё даже не подойдём к входу, напомни мне, что я сам согласился выйти.

Джейк забрал карту и положил её поверх рюкзака, расписанием вверх. — Это я тебе и сейчас могу сказать. Ладно, на подъезде поговорим, а пока сдвинься на ладонь, я тоже хочу посмотреть, где мы.

Марк сел ближе к стене, и они уместились у щели, едва касаясь плечами. Сосны поредели, на месте насыпи показался бетонный забор с тёмными цифрами ремонтных бригад, а потом и он кончился. Марк различил низкие шиферные крыши, товарный двор и длинный ряд окон, в которых отражалось небо. За ними выступали первые многоэтажные дома, и в каждом следующем ряду оставалось всё меньше стёкол.

Глава 2

На верхнем этаже одного из домов ещё висели шторы. Марк успел заметить, как одна из них то ложилась на подоконник, то вздувалась над ним, прежде чем стену заслонила будка у путей. Внизу, возле подъезда, стояли два одинаковых мусорных бака, синих и почти чистых. По ним было труднее всего поверить, что в доме уже несколько дней никто не открывал дверь.

Поезд сбавил ход перед переездом, и Джейк подвинулся, чтобы лучше видеть улицу, уходившую от путей. На белых полосах перехода стоял фургон с открытой пассажирской дверцей. От дверцы по асфальту тянулась длинная тень, в которой сперва что-то шевельнулось, а потом оттуда выбежала собака. Марк подумал, что она потрусит к фургону, но собака свернула и побежала вдоль ограды, почти вровень с вагоном.

Она была рыжая, с тёмной полосой на спине. Каждый раз, когда передние лапы отрывались от земли, Марк видел у неё на боку ряд рёбер. Возле столба собака сбавила бег и на секунду повернула голову на звук колёс. На ошейнике у неё болталось что-то светлое, похожее на больничную бирку.

— Подержи дверь, — сказал Марк, уже шаря рукой по рюкзаку. Он поймал бегунок молнии, потянул в одну сторону, потом в другую и только тогда вспомнил, что сухари лежали в нижнем отделении. — Нет, так держи, чтобы щель не закрылась. Я отсюда её ещё вижу.

Джейк упёрся ладонью в створку, хотя та и так держалась на распорке. Марк вытащил пакет, прорвал угол ногтем и приподнялся на колене. За дверью вместо улицы уже шёл откос, заросший жёсткой травой, а ограда поворачивала к переезду. Собаку оттуда было не видно, и Марк всё-таки подождал с сухарём в руке, пока мимо них не проплыл последний столб.

У самого переезда он успел заметить прореху в ограде, будто кто-то отогнул проволоку снизу. Теперь Марк прикидывал, могла ли собака пролезть там и снова выйти к путям, когда состав пройдёт. От мысли, что она всё-таки могла остаться на другой стороне, он переставил ногу к порогу, словно это помогло бы разглядеть переезд за поворотом.

— Если кинешь сейчас, достанется кому-нибудь внизу, — сказал Джейк. Он заглянул в пакет и взял кусок примерно такого же размера, какой Марк держал между пальцами. — На следующей платформе положим у края. Там хотя бы будет шанс, что его заметят, прежде чем он провалится в траву.

Марк разжал ладонь, и у него на коленях остались две крошки. Он ссыпал их обратно в пакет и подогнул надорванный угол, чтобы сухари не набрали угольной пыли. Ему хотелось сказать, что собака бежала именно за ними, но он вспомнил, как она повернула голову лишь на секунду. Она с тем же успехом могла пытаться уйти от грохота.

— У неё была бирка, — сказал он. Он всё ещё смотрел на то место, где кончилась ограда, хотя переезд уже скрылся за поворотом. — Я сперва подумал, что она сейчас остановится и станет ждать, как у магазина. Лия всегда ругалась на людей, которые вязали поводок к дверной ручке, потому что двери там открывались наружу.

Джейк ничего не ответил сразу, и Марк услышал, как он с усилием раскусил сухарь. Джейк снял с рукава крошку и указал на крыши по ходу поезда. — Какая у нас там станция, ты помнишь? Глянь за водонапорной башней, там у навеса кто-то стоит.

Марк придвинулся к двери и сперва увидел только железные стойки и скамью, перевёрнутую сиденьем к путям. Человек стоял немного в стороне, на открытом месте, где из вагона было бы труднее принять его за часть ограждения. При приближении поезда он поднял руку и держал её над головой, пока не стало ясно, что состав тормозил. Только тогда Марк различил пальто и большую прямоугольную сумку, поставленную между ног.

Поезд ещё прокатывался вдоль платформы, когда Марк убрал распорку и взялся за дверь. Джейк кивнул на сухарь, который Марк так и держал в руке, и показал на бетонную тумбу у

края. Марк положил кусок туда, как только тумба поравнялась с проёмом и вагон остановился. Женщина с сумкой уже шла к ним и, заметив протянутую руку Марка, подняла с земли сразу обе ручки.

— Сначала примите сумку, пожалуйста, — сказала женщина. Она подняла её повыше, и Марк увидел, как у неё подрагивали руки под тяжестью. — За короткие ручки, обе сразу. Длинная у меня на одной нитке держится, боюсь, оторвётся.

Марк взял сумку и чуть не опустил её обратно на платформу от неожиданности. Она оказалась тяжелее, чем выглядела, и внутри что-то сдвинулось и ударило его через ткань по пальцам. Из расстёгнутого наружного кармана веером вышли газетные листы. Два упали к подножке, третий перевернулся в воздухе и лёг лицевой стороной на бетон.

— Руку мне дайте, — сказал Джейк. Он встал сбоку, чтобы женщина могла наступить на нижнюю ступеньку, пока Марк стоял на верхней с сумкой. — С бумагами сейчас разберёмся. Сначала поставьте левую ногу вот сюда, где край целый.

Она вскинула голову на его голос, и Марк впервые как следует разглядел её лицо. На носу остался красный след от очков, которых на ней уже не было, а из-под воротника торчала прядь седых волос. Она проверила носком, держится ли ступенька, и только потом перенесла на неё вес. Пока Джейк помогал ей подняться, она следила за газетой, которая лежала дальше других.

Марк поставил сумку к стене и спустился на нижнюю ступеньку. Первый лист он снял с края ботинка, а второй прижал носком к подножке. Третий потащило вдоль платформы, и Марк уже собрался соскочить за ним, когда женщина перегнулась через порог. Она показала на загнутый угол у носка его ботинка.

— Этот берите, там оборот нужен, — сказала она. Марк распрямил угол и вынул бумагу из-под подошвы как раз в тот момент, когда объявили отправление. — Тот оставьте, он у меня в двух экземплярах. Молодой человек, вы уже достали всё, за чем я бы полезла сама.

Джейк отодвинулся, освобождая порог. Марк подтянулся на поручне и едва успел убрать пятку с нижней ступеньки, когда состав тронулся. Платформа пошла назад, и не поднятый ими лист перелетел через оставленный сухарь, на мгновение накрыв его. Потом бумагу подхватило воздухом и прижало к ножке перевёрнутой скамьи.

— У вас в кармане ещё что-нибудь лежит, за чем нам надо будет спрыгивать? — спросил Джейк. Он надвинул дверь на фиксатор и несколько раз проверил его рукой, хотя тот уже щёлкнул. — Я просто хочу знать заранее, чтобы ботинки покрепче завязать.

Женщина посмотрела сначала на него, потом на узел на ботинке Марка, который снова почти развязался. — За вещами больше прыгать не придётся. А вот если я забуду поблагодарить за руку, считайте, что я это сделала сейчас. Я Эвелин, и я рада, что вы открыли дверь.

Марк назвал себя и Джейка, пока тот снова подкладывал распорку. Эвелин расправила листы у себя на коленях и нашла места, где бумагу уже сгибали вчетверо. Марку казалось, что порядок определялся размером, но Эвелин дважды поменяла местами одинаковые листки, заглянув на поля. Один она вложила в середину, другой убрала в наружный карман, который на этот раз застегнула до щелчка.

Марк хотел предложить ей место подальше от щели, но Эвелин уже уселась возле двери. Она сняла перчатки и положила их рядом так, чтобы одна прижимала вторую при качке. Потом вынула из сумки небольшой приёмник в потёртом чехле, стянула с чехла резинку и нажала кнопку. Вагон вздрогнул на стыке, и короткое шипение, которое отозвалось в динамике, сразу оборвалось.

— Кто из вас умеет уговаривать старые батарейки? — спросила Эвелин, приподняв приёмник за ремешок. Она снова нажала на кнопку и подождала, придерживая крышку сзади. — Дома он стоял на полке и работал, а стоило мне вынести его за дверь, как он вдруг затихал.

Джейк протянул руку, но Эвелин сперва достала из сумки ещё и термос. Именно он, судя по форме, ударил Марка по пальцам, когда она передавала сумку. На боку была вмятина,

под которой серебристый корпус побелел, и Эвелин обхватила термос там, где металл оставался гладким. Она передала Джейку приёмник и принялась откручивать крышку, поглядывая, ровно ли сидели оба.

Термос открылся без хлопка, и Марк решил, что внутри уже всё остыло. Когда Эвелин наклонила его над крышкой, он увидел тонкий пар, а следом почувствовал запах чая, в который положили слишком много заварки. Запах не успел разойтись по вагону, его тут же потянуло к щели. Марк сдвинул колени, чтобы Эвелин могла поставить термос между ними и наливать обеими руками.

— Он крепкий, даже если вам покажется, что я вас обманываю цветом, — сказала она и протянула крышку Марку. Тот взял её кончиками пальцев, дожидаясь, пока поезд перестанет качаться. — Пейте, пока тёплый. Я его делала для ожидания, а ожидание закончилось гораздо раньше, чем я себе придумала.

Марк сделал глоток и передал крышку Джейку, который уже вынул приёмник из чехла. Джейк сперва поставил её на рюкзак, потом переставил на пол, подальше от газет. Эвелин, заметив это, подвинула стопку к себе и провела пальцем по дате на верхнем листе. Марк различил на бумаге мелкие точки, какие оставляла грязная копировальная машина.

Джейк допил до половины и хотел вернуть крышку Эвелин, но та предложила долить. По его лицу Марк видел, что Джейку хотелось согласиться. Тот всё же передал ей крышку и сказал, что оставил глоток на потом, если она сама больше не захочет.

— Вы сами это печатали? — спросил он. Эвелин перевернула лист, отыскивая строчку у края, и подала ему тот угол, на котором стоял штамп. — У нас на станции под стеклом до сих пор висит последнее объявление о том, что к концу недели откроют мосты.

Эвелин работала в библиотеке, и в первые дни после ударов в их читальном зале устроили пункт связи. Поначалу там давали людям звонить с одного уцелевшего аппарата, а когда он замолчал, начали развешивать сводки у входа. Пока в типографии работал генератор, газеты ещё выходили, потом их заменили одиночные листы, которые молодые ребята привозили от копировального аппарата в соседнем квартале. Эвелин подписывала карандашом число получения, потому что одни и те же листы иногда привозили два дня подряд.

— В первый день мы положили телефон на стол, как будто это читательская карточка, — сказала она. Она подтянула к себе лист, который Марк всё ещё держал, и показала короткую черту рядом с числом. — Потом стали записывать мелом, кто за кем звонит, потому что люди устали стоять и садились между стеллажами. Когда телефон перестал работать, некоторые всё равно остались дожидаться своей очереди.

Марк подумал о своём телефоне, который лежал в кармане, хотя всё, что он мог от него получить, уже получил. Он провёл пальцем по числу на полях и заметил, что оно было на два дня позже, чем их разговор с Лией у кухонного стола. Поезд качнуло, и он придержал лист большим пальцем, чтобы тот не соскользнул с колена. Внизу были напечатаны названия нескольких транспортных узлов, из которых он узнал только один.

— У вас есть что-нибудь про Нортбридж? — спросил он. Своё место на листе он теперь удерживал ногтем, хотя читать там больше было нечего. — Меня интересуют автобусы через мост, хотя бы те, что вышли до вечера.

Эвелин надела очки, найденные в нагрудном кармане, и попросила Джейка повернуть лист к свету. Марк терпеливо ждал, пока она пройдёт глазами весь столбец, хотя нужное место хотелось показать самому. Ему было видно, как одна из дужек медленно съезжала у неё по волосам. Когда она наконец остановилась, он повторил про себя начало строчки, прежде чем она успела прочитать его вслух.

— От автовокзала, через мост, — сказала Эвелин. Она простучала ногтем две соседние колонки, чтобы Марк увидел, к какому городу относилась строка. — В этой сводке движение

ещё было, хотя тут всего три направления. Я вам по этому листку час не скажу, но список рейсов мне тоже где-то попадался.

Она взялась за молнию сумки, забыв, что держала в той же руке крышку. Марк подхватил крышку снизу и остался держать её, пока Эвелин вынимала сначала пакет с платком и коробком спичек, потом несколько сложенных газет. Он почувствовал сквозь металл, как чай постепенно терял тепло. Когда Эвелин наконец подняла голову, он уже не помнил, с какого момента держал свой локоть на весу.

— Ох, я ведь вам так и не дала его допить, — сказала Эвелин, заметив крышку в руке Марка. Он подал её Эвелин, но та накрыла ладонью его пальцы и чуть подтолкнула крышку обратно к нему. — Допивайте вы. Мне теперь всё равно придётся заново найти, на чём я остановилась.

Марк выпил оставшийся чай. На дне крышки плавала чаинка, и он дунул на неё, прежде чем вернуть крышку, как делал дома, когда хотел выпить до последней капли. Эвелин достала из открытой сумки ложку и поддела чаинку, чтобы та не попала обратно в термос. Ложка была обычная, с острым загнутым краем, и Марк нащупал под курткой уголок фотографии так быстро, будто его застали за чем-то лишним.

Ему надо было сверить запись Лии с объявлением про автобусы, и он положил снимок рядом с газетой лицом вниз. На бумаге значилось время выпуска сводки, в верхнем правом углу, где Марк прежде искал время отправления. Сама строка про автобусы часа не содержала. Он прочитал время на снимке ещё раз и перевернул его, а Эвелин придержала край, чтобы бумагу не подхватило сквозняком.

— Это она живёт в Нортбридже? — спросила Эвелин. Марк взглянул туда, куда она смотрела, и увидел на выцветшем снимке ту самую светлую нитку у воротника. — По тому, как вы спрашивали про мост, я решила, что вы сами оттуда и ищете дорогу домой.

— Лия, — сказал Марк. Он назвал имя раньше, чем успел сообразить, на какой вопрос отвечает, и Эвелин убрала ладонь со снимка. — Она там живёт, а я ездил к ней через выходные, когда не надо было вставать рано. У неё в сумке всегда лежит чайная ложка, потому что она постоянно забывает попросить ложку к кофе.

Он услышал собственное «лежит» так ясно, словно кто-то повторил слово за ним. В представившейся ему сумке ложка действительно лежала в наружном кармане, и, когда Лия садилась рядом с ним на скамейку, металл однажды простучал по дереву. Обычно она вспоминала про неё только после того, как успевала размешать сахар чем придётся. Марк поднял глаза и застал Эвелин за тем, что она ждала, держа свою ложку над термосом.

— Она как-то размешала кофе ручкой, — продолжил он. Джейк повернул к нему голову, и защёлка батарейного отсека, с которой он возился, перестала щёлкать. — Ручка была моя, и она вернула её с таким видом, будто сделала одолжение. Потом я три дня писал ею, а от колпачка всё ещё пахло кофе.

— А когда она всё-таки просит ложку, ей приносят деревянную палочку, — сказала Эвелин. Она вытерла свою ложку и положила в узкий карман сумки, куда та вошла как раз до загиба. — Я бы тоже носила с собой. Вот эту мне приходится каждый раз отмывать от чаинок, а всё равно забываю взять другую.

Марк улыбнулся, почувствовал, что держит фотографию всё ещё ребром, и положил её ровно между ними. Эвелин посмотрела на снимок всего секунду, потом натянула на нос очки и придвинула к себе верхний лист. Карандаш она достала из петли, пришитой изнутри к сумке, и напечатала на полях «Нортбридж». Под ним, уже более мелкими буквами, написала «Мост».

— Если в эфире услышите «Мост», прислушайтесь, — сказала она. Эвелин дважды провела коротким грифелем по заглавной букве, потому что свет из щели падал как раз рядом. — Так город у нас называли раньше, до объединения с северными кварталами. В газетах теперь везде «Нортбридж», а дежурные на узлах говорят как привыкли.

Марк хотел возразить, что Лия никогда при нём так город не называла, и вспомнил, как однажды ждал её у указателя на окружной. Из окна машины она крикнула водителю, что им на Мост, и только потом заметила Марка у обочины. Тогда он решил, что речь шла о переправе, и не спросил. Теперь он повторил оба названия про себя и подвинул лист к самому свету, чтобы потом не перепутать.

Джейк вернулся к приёмнику, открыл батарейный отсек и перевернул его над ладонью. Батарейки выпали сразу, а за ними на пол соскользнула крышка, которую Марк остановил ботинком. К месту, где пластиковый уголок уже раскололся, пристал кусочек старой изоленты. Джейк подцепил его ногтем и оглянулся на пакет с сухарями.

— Дай обёртку, — попросил Джейк. Он показал Марку, как ещё до защёлки проседала одна из батареек, если перевернуть приёмник набок. — Пружина здесь еле достаёт, видишь? Отрежем крошечный кусок, а сухари я тебе потом сам заверну.

Марк развернул пакет и поддел ногтем серебристый край, стараясь оторвать его так, чтобы не распустить шов. Край потянулся вместе с плёнкой, и с коленей Марка на пол скатилась последняя крупная горбушка. Он поймал её пяткой раньше, чем она дошла до щели, поднял и краем рукава смахнул налипшие угольные крупинки. Пока Джейк складывал блестящий лоскут, Марк завернул хлеб в опустевший угол пакета и задвинул поглубже в рюкзак.

Фольгу Джейк подложил у пружины и прижал батарейку большим пальцем. От первого нажатия послышалось шипение, от второго, уже с закрытой крышкой, оно стало громче. Джейк повернул приёмник сначала динамиком к себе, потом к Эвелин, и ни разу звук не пропал. Марк всё равно дожидался следующего стыка, и только когда колёса прошли его, подвинулся ближе.

Эвелин вытянула антенну и взялась за ручку настройки. На одном делении Марк различил несколько нот, на другом ему показалось, что кто-то прочистил горло, хотя через секунду звук повторился в точности. Эвелин всякий раз задерживалась чуть дольше, чем он сам смог бы ждать. Когда она возвращала ручку назад, Джейк убирал руку с крышки и давал ей самой убедиться, что причина в сигнале.

— У двери попробуем, где меньше железа, — сказала Эвелин. Он подставил ладонь, полагая, что она передаст ему весь приёмник, но Эвелин отвела в его сторону только антенну. — Возьмитесь за самый кончик. Я скажу, когда поднимать, а вы держите так, чтобы до створки не достало.

Марк взял тонкую трубку двумя пальцами и придвинулся к щели. В полосу света на полу теперь попадали его ботинок, край газеты и одно из двух написанных названий. Снаружи тянулись задние стены складов, а за ними в отдалении виднелись опоры моста, который он сперва принял за тот самый, через который ехала бы Лия. Потом разглядел под пролётом цепочку низких крыш и понял, что поезд ещё даже не вышел из предместий.

— Так оставьте, — сказала Эвелин. В динамике кто-то произнёс слово «участок», и Марк повернулся на звук, потянув антенну за собой. — Вот так, как было секунду назад. Джейк, вы тоже пока не двигайтесь, у вас крышка под пальцами.

Марк вернул руку на прежнее место, ориентируясь по светлой полосе, и прижал локоть к боку. Человек в приёмнике называл станции, где перестали работать сигналы, а за ними шли узлы, от которых ещё ждали сообщения. Иногда он поправлялся и произносил название сначала, по слогам. Марк поймал себя на том, что глядел на губы Эвелин, словно она могла договорить за человека в эфире.

В коротких паузах слышно было, как воздух тонко свистел в дверной щели. Марк вдруг вспомнил, что при переговорах по телефону обычно ходил из комнаты в комнату, даже если Лия просила постоять на месте, потому что так его было лучше слышно. Сейчас от него тоже требовалось простоять несколько минут, а он с каждой новой паузой всё сильнее сжимал антенну.

Эвелин свободной рукой подтянула к себе лист с двумя названиями. Карандаш покатился по сгибу, и Джейк остановил его краем ладони, так и не отняв пальцев от крышки. Марк слышал, как ведущий дважды втянул воздух перед следующей строкой, и решил, что тот переворачивал страницу. На слове, которое могло начаться с «Норт», колёса ударили о стык и вагон загудел от пола до крыши.

Ему захотелось попросить Эвелин прибавить громкость, но он увидел, что она уже повернула ручку до упора. За щелью кирпичная стена кончилась, и ветер сразу толкнул антенну к створке. Марк поймал её другой рукой, обхватил трубку обеими и замер, пока качка не стала тише. Костяшка у него упиралась в шершавый край двери, и он боялся сдвинуть её даже на волос.

Голос вернулся посреди фразы и оборвал её сам, будто не расслышал, что сказал. Потом начал заново, с того же места, только медленнее. Марк ещё смотрел на карандаш, лежавший поперёк листа, когда из динамика во второй раз прозвучало: «Нортбридж».

Глава 3

После Нортбриджа человек в приёмнике назвал ещё два города. Один Марк знал по автобусной пересадке, а второй пришлось повторить про себя, чтобы понять, что это вообще название. Голос был таким обыденным, что Марк поначалу ждал времени отправления или номера пути. Потом человек сказал, что в перечисленных городах разрушены целые кварталы, а связь с городскими службами прекратилась.

Эвелин положила палец на слово, которое только что написала карандашом. Марк увидел, как её ноготь закрыл первые две буквы, и в эту секунду ведущий опять произнёс «Нортбридж». Он успел добавить что-то про южную часть города, прежде чем речь захлебнулась в помехах. Марк продолжал стоять у двери с антенной в руках и ждал, что фраза закончится на следующем ровном отрезке пути.

Из всех мест в Нортбридже ему прежде всего пришла на ум лестница на Лиин этаж. На пролёте под её дверью лампа гасла раньше, чем он успевал подняться, и Лия включала свет сверху, если слышала его шаги. Он попробовал вспомнить, на какую сторону выходило окно лестницы, словно по одному этому можно было определить, относился ли её дом к южной части города.

— Я не разобрал, что после «южной», — сказал он. Эвелин наклонилась к динамику, и дужка очков задела его запястье. — Погодите крутить. В прошлый раз он тоже замолчал и начал сначала.

Они простояли так ещё какое-то время. В щели показалась полоса голой земли, которую железнодорожники оставляли между полотном и ближайшими дворами. За ней медленно проплыла бельевая верёвка с прищепками, все прищепки были сдвинуты на одну сторону. Марк дождался, пока и верёвка скрылась из виду, а в динамике всё ещё слышался только треск.

— У неё подруга живёт на окраине, — сказал он. Он отпустил антенну одной рукой и показал наружу, хотя в той стороне от них лежал совсем другой город. — От склада туда можно было доехать, даже если в центре всё стояло. Она могла решить, что у Рэйчел есть смысл переждать и уже потом ехать к станции.

С Рэйчел они виделись однажды, в закусочной возле её работы. Пока Лия отлучилась за салфетками, Рэйчел объяснила Марку, что переехала и теперь от автобуса ей идти целых двадцать минут. Точный адрес он тогда не спросил. Ему хотелось восстановить тот разговор с самого начала, до того, как Лия сняла куртку и положила на стол телефон, потому что из любой мелочи могло выясниться, что он хотя бы правильно помнил, на какой окраине жила Рэйчел.

— Она собиралась к ней в тот день? — спросил Джейк. Марк почувствовал, как тот убрал ладонь с крышки приёмника, и сразу крепче перехватил антенну. — Ты мне рассказывал про склад и мост, а про подругу я до сих пор не слышал.

— Они иногда встречались после работы, — сказал Марк. Он вспомнил, что в тот день Лия спешила именно потому, что ей надо было управиться со сменой и успеть на автобус. — Мало ли что она могла решить уже там. У Рэйчел, по крайней мере, был ключ от квартиры, за ним не надо было никуда заезжать.

Джейк посмотрел на него, и Марк сам услышал, как странно прозвучало это про ключ. Эвелин зажала приёмник между коленями и попросила подать карандаш, который Джейк оставил у сгиба газеты. Марк взял его со второй попытки и вытянул руку, но карандаш ткнулся в край Эвелиновой ладони и упал на пол. Тогда Марк впервые заметил, как мелко дрожали его пальцы, даже когда он держал их раскрытыми и никуда не тянулся.

Эвелин подняла карандаш сама. На полях она записала «южная часть», поставила после слов вопросительный знак и смахнула графитовую пыль мизинцем. Марк хотел поправить её, сказать, что человек из приёмника мог иметь в виду южный въезд или мост, а не целую часть

города. Он смотрел на знак вопроса, пока не понял, что Эвелин как раз оставила для этого место.

— Дайте мне приёмник на минуту, — попросил он. Эвелин подняла его с колен, но ещё придерживала ладонью снизу, когда Марк взялся за бок. — Он же повторял названия, когда связь пропадала. Может, мы просто стоим чуть в стороне от частоты, на которой он говорит.

Ручка настройки шла туго, а полоска с цифрами под мутным стеклом сдвигалась рывками. Марк сдвинул её влево, услышал пронзительный свист, отвёл вправо и наткнулся на обрывок голоса. Там говорила женщина, и вместе с голосом пробивалось мерное постукивание, от которого у Марка сперва возникло чувство, что он поймал запись стука их колёс. Он вернулся на прежнее деление и снова начал сдвигать ручку, теперь гораздо медленнее.

На этот раз из шипения выплыли слова «вечерняя сводка» и первые цифры времени. Марк замер, прижав большой палец к ребристому колёсику, и женщина успела сказать, что часть сообщений поступила с опозданием. Дальше её голос ушёл под низкий гул. Марк ещё держал приёмник перед собой, когда Эвелин попросила оставить ручку в покое хотя бы до следующего поворота путей.

— Мы ведь не знаем, за какой день он читал, — сказал Марк. Он придвинулся к её газетам и увидел на двух соседних листах разные даты, хотя заголовок у них был одинаковый. — Если сообщения запаздывают, город мог попасть в список по старой сводке. Могло быть и так, что оттуда один день никто не отвечал, а потом снова отвечали.

Эвелин вытащила лист с автобусами, расправила его на колене и рядом положила исписанный карандашом край другого листа. Даты выпуска были только на одном, и Марк сразу показал ей число, словно его ещё можно было оспорить. Она ответила, что надпись про автобусы относится к тому дню, когда лист выпустили, а радиосводку они пока не могут привязать ни к одному дню. Потом попросила его подержать угол бумаги, и Марк услышал, как Джейк расстегнул рюкзак у них за спиной.

Джейк выложил на брезент бутылку, пакет с сухарями и два тонких батончика в одинаковых обёртках. Марк знал, что один из них лежал на дне рюкзака с тех пор, как они вышли к путям, а второй считал давно съеденным. Джейк по очереди загнул три пальца, говоря, что воды хватит на несколько глотков каждому, сухари растянутся на две остановки, а батончики можно оставить на утро. На слове «утро» он запнулся, оглядел разложенное и убрал один батончик подальше от края.

— Я умею считать, Джейк, — сказал Марк. У него до сих пор был приёмник на коленях, и он услышал собственный голос поверх тихого шипения, как будто говорил одновременно с кем-то ещё. — Если хочешь предложить поделить всё сразу, так и скажи. Я подпишу бутылку, чтобы мы случайно не выпили лишнего.

— Я хочу предложить набрать воды у людей, если мы их встретим, — ответил Джейк. Он поставил бутылку перед Марком, туда, куда тот мог дотянуться свободной рукой. — И хочу, чтобы у нас до этого была вода. Давай хоть одно из двух сделаем до того, как нам понадобятся оба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.